

РОДИНА

4—1992

ISSN 0235—7089

Фото Ашота Арутюнова

ПИСЬМА В. И. ДАЛЯ ИЗ ОРЕНБУРГА К ГРЕЧУ

Талантливый хирург, естествоиспытатель, храбрый воин, писатель, снискавший себе славу одного из создателей «натуральной школы» в русской литературе, выдающийся лексикограф и собиратель пословиц и поговорок — это не полная характеристика личности Владимира Ивановича Даля. Он был еще и талантливым администратором, государственным человеком в лучшем смысле этого слова.

Письма к Гречу относятся к оренбургскому периоду жизни В. И. Даля, служившего с 1833 по 1841 год чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе. Очевидно, что письма предназначались для публикации в редактируемой Гречем «Северной пчеле» и представляют собой замечательный образец журналистики первой половины XIX века.

Даль отличает глубокое знание государственных проблем, народного быта и нужд простых людей, изумляет стиль ученого-этнографа.

Письма были напечатаны в «Северной пчеле» (1833, № 230—231, с. 920, 923—924; 1834, № 101, с. 403—404), но в данной публикации тексты сверены и дополнены по рукописи, хранящейся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (фонд 473).

В. ДЕРЯГИН

Гречу, из Уральска сентября 25. Оренбург

Уехав из Питера и не простившись даже с Вами, хотел я писать Вам по прибытии в Оренбург — день за день, и вот уже прошло ровно 12 недель со дня отбытия моего из столицы, когда судьба привезла меня на карандасе¹ в Уральск. Если вообще край здешний представляет смесь необыкновенного, странного, многообразного, хотя еще дикого, то Уральское Войско и заповедный быт его, столь мало известный, заслуживают внимание и удивление. Край Оренбургский для нас важнее и значительнее, чем многие думают; едва ли Кавказ со всеми причудами своими может обещать того, что заповедает восточный склон хребта Уральского, Общего Сырта, и прилежащие Уралу степи. Не говоря о том, что Башкирия, т. е. Оренб(ургская) губ(ерния), красуется природою, какой нет нигде более в России, ниже о богатствах неисчерпаемых золотоносного Миаса и множества ему подобных рек и ручейков, кои все несут из недр кремнистых гор веками в песок истертые золотые жилы сих каменных исполинов, — хочу я намекнуть только на предстоящий торговле нашей огромный переворот через непосредственные сношения и связи с Индией, и если это сбудется, то нет сомнения, что мы достигнем цели сей не через Кавказ, даже едва ли когда

чрез Астрахань, но чрез Киргизские степи. Стоит только хивинцев наказать так, чтобы будущее поколение вместе с молоком из груди материнской напиталось страхом справедливого гнева Русского Царя — и путь открыт навсегда.

Но я возвращусь к уральцам. Они рассказывают сами, что пришли и поселились при Иоанне Грозном на Яике, что ныне Урал. Выходцы сии состояли, по общему мнению, из донских выходцев, старообрядцев, кубанских и крымских татар, всего до полусотни, к коим приписались впоследствии заводские и другие вольные и самовольные люди. По уверению же некоторых стариков, прадеды их были ушедшие от опалы Иоанна Грозного стрельцы. Вот почему Заруцкий, начальствовавший некогда над стрелецкою дружиною, искал вместе с Мариною Мнишек у них на Урале убежища.

Они заняли Яик и нынешний Сарайчик, столицу Золотой Орды, как Ермак Сибирь, самовольно; сказывались соседям набегами; киргизам, татарам, калмыкам, астраханскому хану Урусу, даже хивинцам были известны как воины стойкие и отчаянные. Уралец и поныне считает стыдным употреблять при нападении огнестрельное оружие, он сбивает противника пикою.

В 1613 году предались они в подданство России, имели от царя Михаила Федоровича грамоты на земли свои, но грамоты затеряны во время частых смут и пожаров, несколько раз здесь возникавших, и это причина великого бедствия для уральцев, ибо ныне все соседи оспаривают земли, сенокосы и угодья, а доказательств на владение, кроме давности, нет. На Урале явился Стенька Разин, искала убежища Марина Мнишек, бесчинствовал Имя Пугачев. Нынешние казаки, живя в спокойствии и довольствии, представляют проезжему приятную картину порядка, опрятности, достатка, хлебосольства и внимательности к приезжему и какой-то необщей служебной учтивости и почтения, которые, в сравнении с неповоротливою обходительностью русских мужичков, приятно изумляют путешественника. Со вступления в уральскую землю Вы можете завязать и запечатать кошелек: никто и отнюдь никогда не попросит на водку, никто не возьмет платы за съестные припасы, Вам радушно предлагаемые. Русь, современная Алексею Михайловичу, дониконовский быт, со всеми странностями, радушием и закоренелыми предрассудками, процветает здесь нерушим и неизменен.

Уральцы-христиане суть старообрядцы, между ними еще множество расколов, придерживаются старины, упорно бород не бреют, но на службе все разрешается: бороды выбриты, трубки и кисет ходят по рукам.

Казачки всех чинов и состояний все одинаково одеваются — по-русски, богато и даже роскошно. Сарафан их отличается от русского тем, что покрывает грудь и шею, а рукава рубахи бывают цветные, шелковые.

Уральск — большой город, каменных прекрасных домов много, обитают в них люди зажиточные, хлебосольные, храбрые, но образованных очень немного, а между женщинами нет вовсе².

У уральца если и нет особого наречия, то по крайней мере свой выговор: он произносит зубные буквы н, д, р, т тверже и острее, почти как англичанин, говорящий по-русски. Отчего это? На целый Руси не слыхать такого произношения, которое здесь, особенно у женщин, весьма заметно. Нельзя ли где-нибудь у новгородцев откопать решения сей загадки?

В одеянии своем казак вообще всегда перенимает несколько у соседей: черноморцы доселе носят откидные рукава, кавказского линейного казака едва можно

отличить от черкеса и кабардинца. Уралец ходит в бухарском стеганом халате и вообще более носит бумагу, чем сукно. Спрашивается: высокая, черная шапка, которой не видать ныне нигде в России и вместо которой донцы носят треухи, есть ли также хивинская, или это подлинно еще остатки стрелецкой одежды?

Хлеба он (казак) не сеет, ибо земля его, носящая на себе несомненные признаки недавнего от воды Каспийского (моря) обнажения, хлеба не родит вовсе. Казаки живут скотоводством и рыбной ловлей. Без этих промыслов уралец не может существовать. Но это и другое сопряжено с такими странностями, что надобно видеть все это, если хочешь понять. Все делается артелью, с косами выходит в день, назначенный войсковою канцеляриею, с объявлением по базарам, целое войско и бьет траву в несколько тысяч кос вдруг. Земля скудна, даже сен луговых мест весьма мало от Уральска до Гурьева (что на Каспийском море), кое-где растет бурьян, впрочем, все только негодный молочай да мелкотравчатая полынь, вот почему все войско иногда толпится в кучу, где уродилась трава, и косит взапуски. Здесь земель нельзя межевать по-христиански, сказав, вот это твое, это его, а это мое, здесь надобно только установить, кому и когда, на какую землю приходить; казак скашивает траву, киргиз прикочевывает вслед за ним, уходит на зимовку в камыши и так далее. Рыбная ловля еще занимательнее; для этого назначается три главных срока: зимний, называемый багреньем, весенний и осенний, называемые плавнею³; перед плавнею бывает в Уральске ярмарка и скачки. Ловить рыбу не в срок есть преступление уголовное, ибо испуганная рыба уходит в море. Летом ставится поперек Урала учуг, т. е. закол, рыба идет с моря и останавливается на ятовых местах⁴, ею избираемых. Казаки замечают с берегов, где рыба ложится, и в назначенный день и час, по вестовой пушке, все войско кидается взапуски на челны, сталкивает их в воду и идет, обгоняя друг друга 200 ве(рст) вверх по Уралу, вытаскивая сетями на каждом шагу осетров, белуг, севрюг. Это называется скачкою на бударах, а перебегаемое в день пространство — ударом. Это продолжается по определению войсковою канцелярии несколько недель, и вместе с тем по берегу идет гульба и пиршество без конца, тут рыбу потрошат и солят, готовят икру, укладывают и отправляют на бесконечных обозах. Это плавня; на багренье бывает то же, только иначе: по вестовой пушке все войско кидается с обоих берегов Урала верхом, или на бегунах, скачет, обгоняет друг друга, спешивается на льду, бьет проруби и запускает багры. Вы ахнете, если увидите, с каким проворством и что тут делается! Покуда я теперь написал Вам последние две строки, лед покрыт багорщиками и осетрами несколько не меньше первых. Такой осетр тянет пуда четыре, дает икры более полупуда, а белуга нередко тянет более 20 пудов, дает икры пуда полтора. И все это делается на реке, которая не только не чета Волге или Днепру, но которая едва может потягаться с Вашею Фонтанкою. Урал не шире ее, местами только глубже, а местами и гораздо мельче, так что почти всюду есть броды.

Казак, не добывший 400, 500 рублей на Урале, не может существовать, если не имеет особенных источников богатства; он должен идти служить. Зато иногда в несколько минут вытаскивает багром (своим) годовое продовольствие на всю семью свою. Я сказал (он) должен служить, следовательно, не всякий служащий казак обязан идти на службу, и очередь ему не угрожает. Надобно сказать Вам, что такое есть наемка на

службу. Если бы каждый домовитый хозяин, у которого есть богатые стада и иное хозяйство был бы принужден идти служить, то хозяйство его бы расстроилось во время отсутствия его; то же самое, вероятно, случилось бы и с именитым купцом, и со всяким промышленником, а здесь и те, и другие казаки. Если бы, напротив, и всякий неимущий, разорившийся, потерпевший от засухи, пожара, падежа, неудачного рыболовства, шел служить наравне с зажиточным на собственном иждивении и без всякого возмездия, то он явился бы в полк в самом жалком вооружении и обмундировке и покинул бы дома семью свою без подпоры, без пособия. Это бывает с рекрутами нашими: семья и хозяйство мужика, у которого по очереди забрили лоб, разоряется и часто гибнет. Здесь, напротив, дело происходит таким образом: канцелярия рассчитывает по востребованию начальства, много ли казаков поставить должен каждый десяток и объявляет на базаре. Десятки сходятся, толкуют, кричат, выкликают из войска охотников, торгуются с ними, платят им деньгами, одевают и вооружают и ставят в полк молодцами. А наемщик, который не был бы в состоянии выступить в очередь на службу, как яицкому казаку должно, и сам одет, и запасный шеляг⁵ есть, и семье оставляет на поправку сотенку-другую, и идет служить весел и спокоен. Все неудобства очередной казачьей службы видим мы у соседей уральских: у оренбургских казаков, у которых, впрочем, по бедности их наемки быть не может. Сверх того, еще при наемке избегается всякое злоупотребление: все несут равную повинность и нельзя никого притеснять назначением его на службу, ниже покровительствовать, освобождая под разными предлогами от оной, а каждый десяток сам распоряжается, как ему угодно.

Уральцы населяют правый берег Урала, сопредельны они к северу с оренбургскими казаками и башкирами, к югу — с Каспийским морем, к востоку — с зауральскими киргиз-кайсаками, на запад с губерниями Саратовской и Астраханской и кочующими по ним киргизами внутренней, или Букеевской орды. Ныне считают всего, старых и малых обоих полов 45 т(ысяч) душ, из них служащих: 8292, из сего числа на службе домашней, т.е. линейной и внешней, т.е. внутри России, более половины, хозяйственные расходы простираются до 250 т(ысяч), содержание полков на службе до полумиллиона.

С киргизами зауральскими живут казаки в ладах и в споре, в дружбе и во вражде по обстоятельствам. Мена привлекает киргизов на линию, они привыкли получать за баранов хлеб и крупу. Последние походы в степь показали, что она для уральцев проходима, и киргизы смирились, а устройство прилинейных киргизов, после уничтожения правительством нашим ханского достоинства и назначения только султанов и старшин, при коих находятся казачьи команды, и разделения прилинейной степи на дистанции — много способствовало в водворении тишины. Впрочем набег киргизов состоят всегда только в ночном воровстве и угоне скота. Даже людей, которых они охотно ловили и продавали в Хиву, ныне увозить боятся, страшась испытанной уже кары соседей своих. Не воображайте, впрочем, киргиза горским наездником, он вооружен очень плохо, по свойству степного жителя труслив, и пятисотенный полк уральцев может исходить все пространство зауральских степей. Но уральцы уверяют, что им угрожает иное бедствие: Каспийское море год от году мелеет, устья Урала пересыхают, и скоро рыба не будет в состоянии входить в реку и теперь уже она проплывает

только при значительном половодии. Если опасение это справедливо, то действительно казакам угрожает крайность; пахотной земли нет, казак зерновое продовольствие покупает и, наконец, рыболовство называется жалованьем своим, без коего ни жить, ни служить не может.

Я приехал в Ур(альск) в день коронавания Государя нашего, молебствие и парад, а наконец, и обед у управляющего войском полковника В. О. Покотилова, — все это происходило чин чинном, в таком порядке, как Вы из многих моих листков дневника Вашего усмотреть можете, наконец, настал вечер, тихий и темный, и каменные громады Уральска возникли из мрака, опоясанные огнями. Стар и мал толпились перед домом атаманским, где не чересчур мудрые китайские цветные огни разгуливали в колесах и водопадах, и не избалованные заморскою затейливостию туземцы с детским простодушием наслаждались сим произведением какого-то заезжего фигляра, мусье или гувернера и от глубины души приветствовали восклицаниями заявившиеся в заключение представления вензели Государя, Государыни и войскового атамана казачьих войск.

Гречу, марта 24.1834.

Оренбург

Уральцы годика с три тому назад оплакали атамана своего генерал-майора Бородина. Коли не случилось кому из вас видеть его, так знайте, что был он казак душа молодецкая, стройный, рослый и бойкой, лихой осанки. Сказывал мне верный человек, что и поныне есть в чужих краях немало картин, списанных с сотника, не то с есаула Бородина, когда ходил он туда молодым казаком, с Суворовым: глядят немцы, не налюбуются! Ну, да он теперь перед Богом; его не воротить — да я и сел не лики писать, не панихиду служить, а хочу говорить про нынешнее.

Войсковым атаманом уральцев ныне — сами знаете вы кто: казаки, поминая его, всегда шапки снимают. Но Государю Императору угодно было дать им и наказного атамана. В лицо хвалить по русскому обычаю не годится, а то бы я сказал при всех, что новый атаман уральцев — лихой атаман!

По назначении полк(овника) В. О. Покотилова в атаманы пошли пиры да гульба; а казаки загуляют, так не шутят, хоть святых вон понеси. Не знаю, где проявилась на Руси пословица: загулял, так ворота на запоре, да только верно не на Дону, не на Урале; здесь: загулял, так ворота настежь, не хуже побыта блаженные памяти Русского солнышка князь Владимира; мимо пирушки пути и дороги не пролегают, а заворачивай, знай, на подворье, кто живой подошел!

Атаман чествовал всех наличных войсковых чиновников столом обеденным, а там, как войско собралось с багреного рыболовства, — а вы знаете, что войско ходит и на осетров, и на белуг, что на французов, лаваю, — как возвратилось, говорю, с благополучного лова, помолилось Богу, и явилось после молебствия, совершенного в соборе, на зов атаманский погулять, поприбавить да распить перед домом атаманским за здоровье благодетеля некупленную сороковую бочку вина горячего. Пил чару зелена вина малый и великий, да поминал хозяина, пили казаки на -ов и на -ин, пил и отставной казак Шарль Бертю... Казак Шарль Бертю? — Так, господа, отставной приписной уральский казак Шарль Бертю; коли мне не верите, спросите людей: люди видели, как он усы отирал! Зашел он во

время оно в матушку Россию, званный ли, не званный ли, а на пиру был званный. Он в 1812 году был взят казаками и завезен сюда — обжился да женился, да в казаки приписался, от вам и французский казак Шарль Бертю!

Между тем, наказной атаман дал вечер и бал, на который съехались и уралки в цветных сарафанах своих, в шелковых широких рукавах, в богатых сажених сорóках⁶ да в девичьих драгоценных поднизьях⁷, не в бронзовых модных цепочках, а в чистом золоте, не в чужих кудрях и не в райских птичках, а в косе своей да в скатных жемчугах! Я говорю вам, что тут ничем не шутят: поглядите, коли знаете толк, тут в каждой сороке десятки тысячей!

Наконец, 15 февраля приняли уральцы и угостили нового атамана своего по-своему. Это было вот как: поутру явились к нему два штаб-офицера и просили, именем всех собратий своих, подарить их нынешним днем и порадоваться с ними общей радости. Вечером, когда все было приуготовлено, а гости и чиновники войсковые съехались, два штаб-офицера отправились со вторичным и окончательным приглашением и прибыли вместе с атаманом к назначенному дому. Старшины и почетные войсковые чиновники встретили дорогого гостя на крыльце и, как водится, проводили под звонкую музыку в залу. Весь дом был освещен снутри и снаружи, а на балконе был выставлен громадный щит с изображением вензельных имен: Государя Императора, Государыни Императрицы и Венценосного Атамана всех казачьих войск.

Празднество открыто было польским⁸, в голове коего шел атаман с одною из туземок. Вслед за сим гремела музыка, шла пляска во всю ночь. Многие из молодых

войсковых чиновников танцуют охотно и хорошо. Сели за стол, большая часть мужчин осталась на ногах. За ужином неожиданно осветилось на щите имя атамана с лестною надписью, и заздравная братина⁹ пошла ходить из рук в руки. Пили здоровье Царя и Царицы и атамана Цесаревича и всего пресветлейшего дома, всех вместе и каждого порознь, и долго жить им и царствовать, коли проживут Они с эстолько, как уральцы им в одну эту ночь насулили! Дошла очередь до Оренбургского военного губернатора, а наконец и до наказного атамана. Тогда принесено было атаману условленное поздравление всеми наличными чиновниками, потом избранными почетными казаками от имени целого войска, потом учениками войскового училища, а наконец — учитесь, братцы, как встречать и принимать атаманов своих, у уральцев — пятеро милых, богато убранных девиц высшего казачьего сословия вышли, шумный, радостный говор умолк, мирная, почтительная тишина воцарилась. Девушки подошли к атаману, поклонились ему по обычаю своему низенько, сказывали ему долго жить, братьями, женихами и отцами праведно и ласково управлять, суд и правду рядить, — и поднесли ему, не серебра, не золота, а поднесли цветов живых самородных. Все наличные подняли ура прямо по-казацки: окна задребезжали и двери сами порастворились! А казаки, запрудив широкую улицу, того и ждали: подхватили и себе, да так, что и пушки заздравные заглушили!.. Ночь была тихая, светлая. Ура кричали и вино пили, и пушки палили, а как разъехались поздним утром по домам, да глянули на часы, так и вспомнили пословицу: казаку гулять, так и ночь коротка!

В. Луганский

Приписка¹⁰. Март на исходе, апрель на дворе, а Урал стоит, не шелохнется. Скоро вздует его да погонит лед на море, на Хвалынское¹¹. Глядите тогда, что за потеха будет; начнется плавня, да пойдут казаки вскачку на тысяче, другой, бударок! Снегу нынешнюю зиму Господь не пожалел, так земляная вода¹², надо быть, пойдет большая, и на урожай в Оренбургской губернии понадеяться можно. Авось, Бог милостив будет! — Прилинейные кайсаки эту зиму опять начали продавать детей своих; на днях видел я четырех мальчиков, купленных за 75 рублей ассигнациями. Младшему лет семь. Один насмешил: новый хозяин стал, жалея его, кормить голодного помаленьку, а он, глядя на съестное, непременно хотел поесть все. Коли так, говорит, так пойду я от тебя прочь, опять в степь. Скинул платье хозяйское, снял и рубаху, взял с окна плетъ и пошел.

— Где же лошадь у тебя? — спросили его.

— Плетъ есть, — отвечал тот, — так и лошадь будет!

Простояв минуты с две нагишом на морозе, воротился он. В тот же вечер и на следующий день спохватились огарков свечных: нет ни одного, а не догорает, кажется, свечей много; решили на том, что их крысы таскают. Глядь на нового нахлебника, а он жует, да только светильни выскакивают! Не подумайте, чтоб я шутил: ей, ей, бывшее дело! Шам яхши, уверяет он, и поныне удивляется, для чего не велят ее есть!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Карандас** — повозка на необыкновенно длинных, зыбких дрогах. На карандасах ездят в Перми, в Симбирске, в Казани, в Оренбурге. Простота постройки делает его весьма надежным и крепким; длинный широкий ход необыкновенно остойчивым, а долгие, в 2 и 3 сажени, дроги заменяют, зыбкостью своей, рессоры (прим. из «Северной пчелы»).

2. Под «образованием» во времена В. И. Даля разумелось только светское образование. Старообрядцы — казаки были грамотными, читали богослужебные книги. В особенности хорошо знали богослужебные тексты женщины, о чем писал

сам В. И. Даль в рассказе «Уральский казак». Не свидетельствует ли о влиянии особого литургического произношения своеобразие выговора уральских казаков, на который в этом же письме обращает внимание Даль?

3. **Плавня** — весеннее рыболовство сѣтми, кои раскидываются с каждой лодки одним человеком (прим. из «Северной пчелы»).

4. **Ятовные места, ятовь** — омут, в который ложится красная рыба на зимовку. Она ложится тесно, в несколько ярусов и спит; шум и стук ее в то время не пугает, и ее просто ощупывают баграми и вытаскивают (прим. из «Северной пчелы»).

5. **Шѣляг, шелег** — неходящая монета, бляшка, как игрушка, или для сѣту, в играх, или на монисто, или в память чего (Даль. Толковый словарь).

6. **Сорóка** — женский головной убор, род кички, на лбу пониже, а с боков повыше; сорока заменяет со времени замужества в праздничные дни девичью поднизь. По уговору жених должен справить невесте сороку. По свидетельству Даля, на Урале встречались сороки стоимостью в 10 и 15 тысяч рублей.

7. **Поднизь** — головной убор девицы в виде ряски, жемчужной или бисерной сетки.

8. **Польский** — пляска и музыка к ней, кою обычно открывался бал (Даль. Толковый словарь).

9. **Братина** — сосуд, в котором разносят питья, пиво на всю братию и разливают; стопа, коноб, кружка, большой бокал, который обходит в круговую (Даль. Толковый словарь).

10. Текст «Приписки» в тетради Даля отсутствует, приводится по публикации в «Северной пчеле».

11. **Хвалынское море** — старое название Каспийского моря.

12. **Земляная вода** — степная или береговая вода, стекая на реку, подмывает, подкапывает лед; река вскрывается. Потом идет неделю, другую спустя земляная вода, т. е. вода с гор, высокою и широкою волной, разливается и понимает берега на несколько верст (прим. из «Северной пчелы»).

Главный редактор
В. П. ДОЛМАТОВ

Редакторат:

В. А. АВДЕВИЧ
(первый заместитель
главного редактора)
В. С. АРУТЮНОВ
(главный художник)
В. К. КОРЕШКОВ
(директор)
Т. А. КРАВЧЕНКО
(заместитель
главного редактора)
Ф. Н. МЕДВЕДЕВ
(редактор отдела
русского зарубежья)
В. А. ПАНКОВ
(заместитель
главного редактора)
А. В. ПОПОВ
(редактор отдела
международных
отношений)

Общественная
коллегия:

С.С. АВЕРИНЦЕВ
Н.И. БАСОВСКАЯ
В.И. БРАГИН
В.В. БЫКОВ
П.В. ВОЛОБУЕВ
Б.С. ВОЛОБУЕВ
С.А. ФИЛАТОВ
А.С. ЦИПКО

Макет и оформление
В. С. Арутюнова
при участии
Т. П. Яковлевой
и **С. А. Артемьева**

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются.
Авторы несут ответ-
ственность за точность
дат, фамилий, географи-
ческих названий. Мнения
авторов не всегда совпа-
дают с точкой зрения
редакции.

Издательство
«Русская книга»

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В эти трудные для прессы времена Верховный Совет Российской Федерации поддержал многие издания, в том числе и наш журнал, выделив существенную дотацию. Благодаря своевременной помощи, номер «Родины» по-прежнему обходится Вам всего лишь в два руб-ля, между тем его себестоимость в шесть раз выше и составляет почти 13 рублей. Но хватит ли выделенных средств, чтобы доставить Вам журнал в течение года по старой цене? В условиях, когда стоимость бумаги, типографских услуг и всего прочего продолжает расти, на этот вопрос ответить трудно. Вот почему считаем своим долгом предупредить Вас, дорогие подписчики, что в случае ухудшения финансовой ситуации мы вынуждены будем попросить Вас сделать доплату — о чем сообщим дополнительно.

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

Л. АННИНСКИЙ

Кто мы такие? 8

Мститель 15

А. АХИЕЗЕР,

Ю. АЙХЕНВАЛЬД

Проклятье раскола 19

Ф. МЕДВЕДЕВ

Пришел бы Микоян

к Белому дому? 23

А. ЧИЖЕВСКИЙ

Психические «эпидемии» и сол-

нечные «взрывы» 28

Представляем альманах

«Мулета» 34

М. КАРАТЕЕВ

Магомет и ислам 43

Под парусом «Надежды» 50

С. ЭКШТУТ

Проделки в старинном духе 54

С. ЛЕВИН

Анна на шее 56

А. КОРНИЛОВ

Строптивый Канкрин 60

В. КАБАНОВ

Благоденствие страны

Нарземии 66

В. НИКИТИН

Быть по сему 72

Т. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

Извилины в мировом мозгу 74

Вера Холодная 80

Репетитор 88

П. ВОЛОБУЕВ

Революция мчалась на всех

парах 89

Логика переворота

ОЛЕГ ВОЛОБУЕВ

ГЕНРИХ ИОФФЕ

АЛЕКСАНДР СТЕПАНСКИЙ . 90

С. АЛЕХНОВИЧ

Франциск Скорина 92

Сибирь и Дальний Восток

в XIX веке 94

Тесты 95

Р. УСИКОВ

Фонды Старой площади 98

АННА АХМАТОВА:

«... Удушье, которое длилось

годами» 100

Красный террор 104

Письма В. И. Даля из Орен-

бурга к Гречу 106

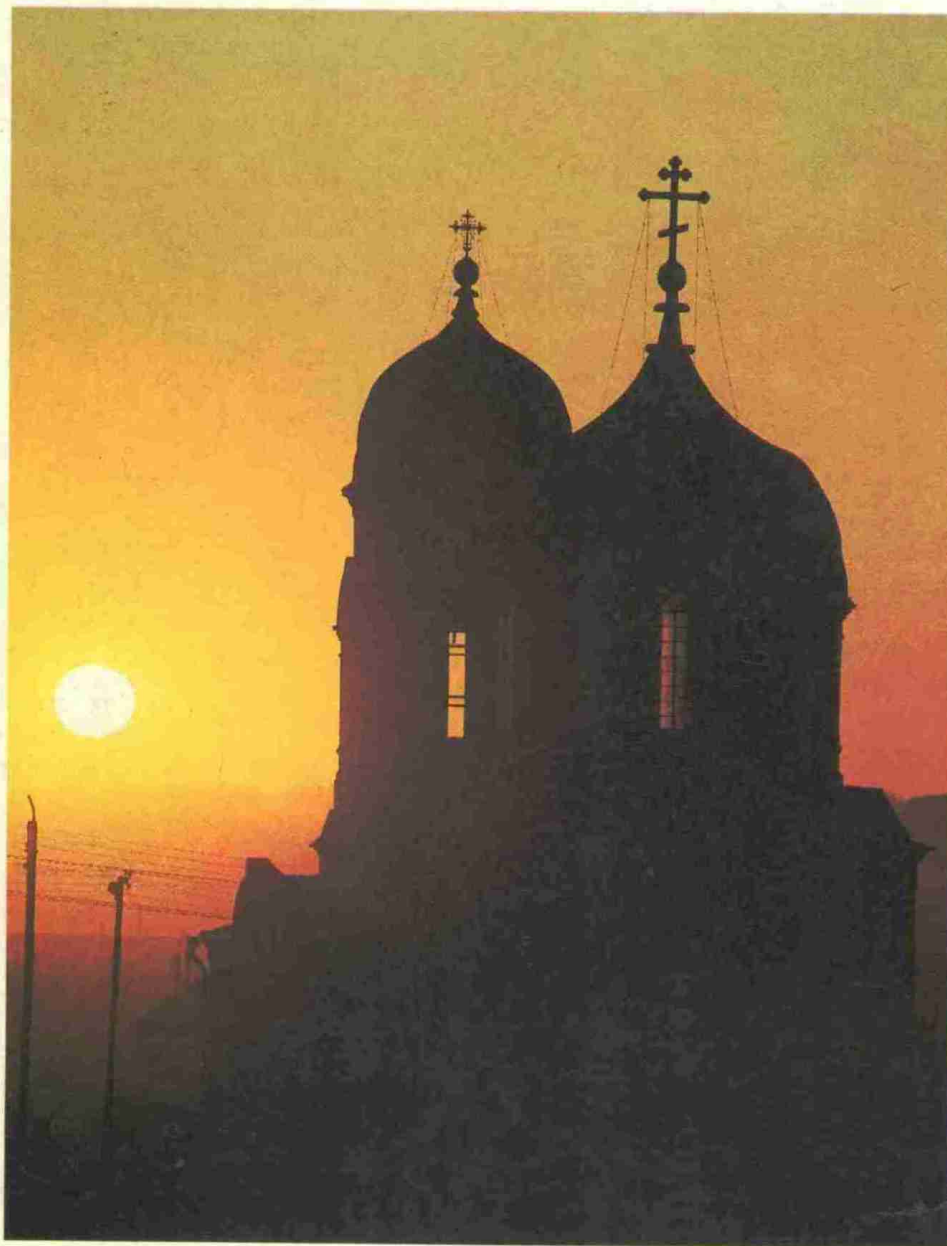

Фото Виктора Корнюшина

Сергий Радонежский — это имя стало для России символом национального возрождения. Его житие — пример духовного подвига. Следующий номер журнала расскажет о славном сыне нашего Отечества.

Индекс: 73325

Цена по подписке — 2 руб.
В розницу — договорная.